ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2016
XXV

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК

1332

EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Издаётся с 1992 года

Том XXV

Экспресс-выпуск • Express-issue

2016 № 1332

СОДЕРЖАНИЕ

3243-3247 Изменение интенсивности перелётов птиц в окрестностях международного аэропорта «Калуга» в течение года. Е.А.ПОПОВ

3247-3248 Чечётка *Acanthis flammea* в Новоржевском районе Псковской области. Э.В.ГРИГОРЬЕВ

3248-3250 Турухтан *Philomachus pugnax* в Кургальджинском заповеднике. В.В.ХРОКОВ, И.А.КРИВИЦКИЙ, Е.Н.ВОЛКОВ

3250-3252 Случай кормления молодых могильников *Aquila heliaca* на остатках добычи беркута *Aquila chrysaetos* в Бухтарминской долине. А.Н.ЧЕЛЫШЕВ, Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ

3252-3256 Гнездование сороки *Pica pica* в населённых пунктах в Иркутской области. И.В.ФЕФЕЛОВ

3256-3258 Инвазии в Крым длиннохвостых синиц подвида *Aegithalos caudatus caudatus*. М.М.БЕСКАРАВАЙНЫЙ, Н.А.ТАРИНА

3258-3262 Заметки о птицах Охотского района Хабаровского края. В.В.ПРОНКЕВИЧ, В.Е.МОРОКОВ

3263-3272 О подвидовой принадлежности некоторых видов дятлов Приамурья и Приморского края. Я.А.РЕДЬКИН

3273-3275 Материалы по питанию наземных птиц Полярного Урала. Н.Н.ДАНИЛОВ

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2016
Дата опубликования: 25 августа 2016

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXV
Express-issue

2016 № 1332

CONTENTS

3243-3247 Changing the intensity of bird movements in the vicinity of the international airport «Kaluga» in the course of the year. E.A.POPOV

3247-3248 The common redpoll *Acanthis flammea* in Novorzhev Raion of the Pskov Oblast. E.V.GRIGORIEV

3248-3250 The ruff *Philomachus pugnax* in Korgalzhyn Reserve. V.V.KHROKOV, I.A.KRIVITSKY, E.N.VOLKOV

3250-3252 The case of the feeding of young eastern imperial eagles *Aquila heliaca* on the prey of the golden eagle *Aquila chrysaetos* in Bukhtarma Valley. A.N.CHELYSHEV, N.N.BEREZOVIKOV

3252-3256 Nesting of the common magpie *Pica pica* in settlements in Irkutsk Oblast. I.V.FEFELOV

3256-3258 Invasions of the long-tailed tit *Aegithalos caudatus caudatus* to the Crimea. M.M.BESKARAVAYNY, N.A.TARINA

3258-3262 The sketch of birds of the Okhotsky District, Khabarovsky Krai. V.V.PRONKEVICH, V.E.MOROKOV

3263-3272 On subspecies affinity of certain species of woodpeckers from the Amur region and Primorsky krai. Ya.A.RED'KIN

3273-3275 Materials on food of land birds in the Polar Urals. N.N.DANILOV

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2016

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск ***1332****: 3243-3247*

Изменение интенсивности перелётов птиц в окрестностях международного аэропорта «Калуга» в течение года

Е.А.Попов

Евгений Анатольевич Попов. АО «Международный аэропорт «Калуга», а/я 244, Грабцевское шоссе, д. 79, г. Калуга, 248035, Россия. E-mail: 54eugene@gmail.com; aves-stop@mail.ru

Поступила в редакцию 18 августа 2016

Наблюдения проводились по стандартным методикам учёта дневной миграций птиц (Гаврилов 1977; Дольник 1981) с учётом требований РООП ГА-89 в период с 15 апреля 2015 по 22 апреля 2016. Два постоянных наблюдательных пункта (ПНП) были расположены приблизительно в 1 км от торцов взлётно-посадочной полосы (ВПП), в районе глиссад аэродрома «Калуга». Расстояние между двумя ПНП 4.34 км по истинному азимуту 324° (144°). Координаты точек наблюдения: «Север» – 54°33'50.27" с.ш., 36°21'06.94" в.д.; «Юг» – 54°31'56.14" с.ш., 36° 23'27.71" в.д.

Основное отличие в окружении ПНП, влияющее на картину дневных перемещений птиц, состоит в наличии, на расстоянии 0.6 км к западу от «южного» ПНП, полигона твёрдых бытовых отходов (полигон ТБО) размером, примерно 1.2×0.2 км.

За период наблюдений отмечено присутствие 147 таксономических групп птиц. Чаще других отмечались вороновые птицы *Corvus* sp. – 31.4% от всех зарегистрированных птиц. Среди определённых до вида галки *Corvus monedula* составляли 15.3%, а во́роны *Corvus corax* – 6.9%. В крупных смешанных стаях вороновых птиц также доминировали галки (в среднем около 70% от численности стаи), оставшуюся часть в основном составляли серые вороны *Corvus cornix* и/или, в зависимости от сезона, грачи *Corvus frugilegus*. Нечасто к смешанным стаям вороновых присоединялись во́роны и сороки *Pica pica*. Что касается других вороновых, то сойки *Garrulus glandarius* были редки, ещё реже пролетали кедровки *Nucifraga caryocatactes*.

Всего проведено наблюдений 82 сеанса, 190.4 ч на «северном» ПНП, при этом зарегистрированы параметры пролёта 14345 птиц; и 79 сеансов, 275.4 ч на «южном» ПНП – зарегистрировано 51904 птиц. В целях единообразия для построения кривых использованы только первые 2 ч утренних наблюдений, начинавшихся как правило за 15-20 мин до восхода Солнца. Надо иметь в виду, что практически во все сезоны интенсивность перелётов в первые 2 ч после восхода солнца максимальная. Затем активность перемещений птиц снижается. Лишь в периоды се-

зонных миграций, во время миграционной волны, плотность пролёта в утренние часы может уступать плотности пролёта в более позднее время суток.

Все учёты проведены одним наблюдателем, что исключает разницу в персональных оценках параметров исследуемого пролёта птиц в случае работы нескольких учётчиков.

В результате были получены и обработаны данные, представленные ниже на рисунке 1.

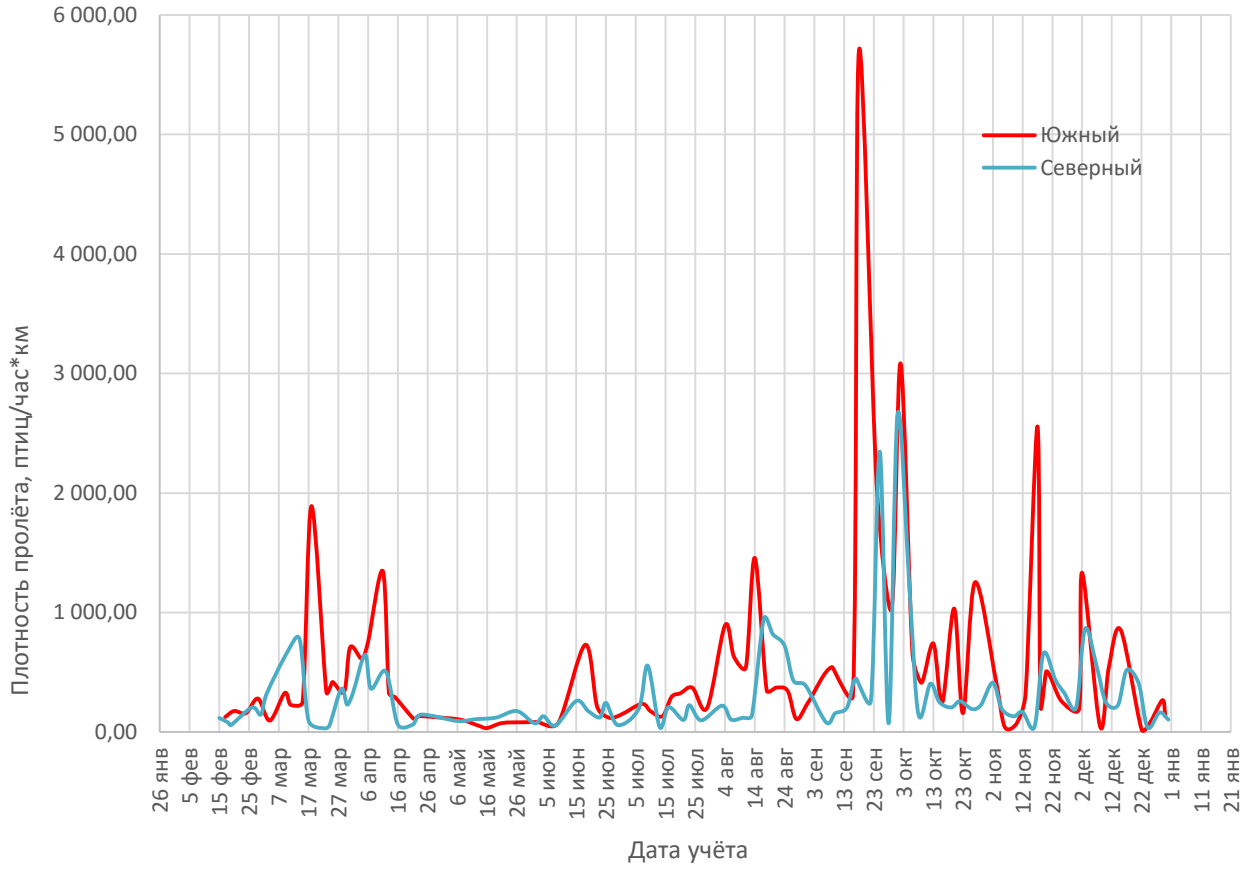


Рис.1. Подневное изменение интенсивности пролёта птиц на южном и северном ближних приводах аэропорта «Калуга» в течение года.

Разница в реконструированной среднегодовой плотности пролёта всех птиц, т.е. плотности пролёта, рассчитанной с учётом разной дальности обнаружения птиц разных таксономических групп, приведённая к условному фронту пролёта шириной в 1 км, составила 2.51 раза: 188.5 птиц/ч·км на «южном» ПНП и 75.4 птиц/ч·км на «северном» ПНП (рис. 1, 2).

По нашему мнению, такое различие в интенсивности пролёта на «северном» и «южном» ПНП определялось расстоянием от ПНП до полигона ТБО. При этом следует отметить, что, исходя из видового состава пролетающих птиц, направления их перемещений, прослеживания направления пролёта отдельных птиц и стай на большие расстояния с помощью бинокля, можно сделать вывод, что полигон ТБО оказывает

влияние на картину пролёта не только на расположенном «рядом» с ним «южном» ПНП, но и на удалённом на 4 км «северном» ПНП, где его влияние пропорционально удалению слабее.

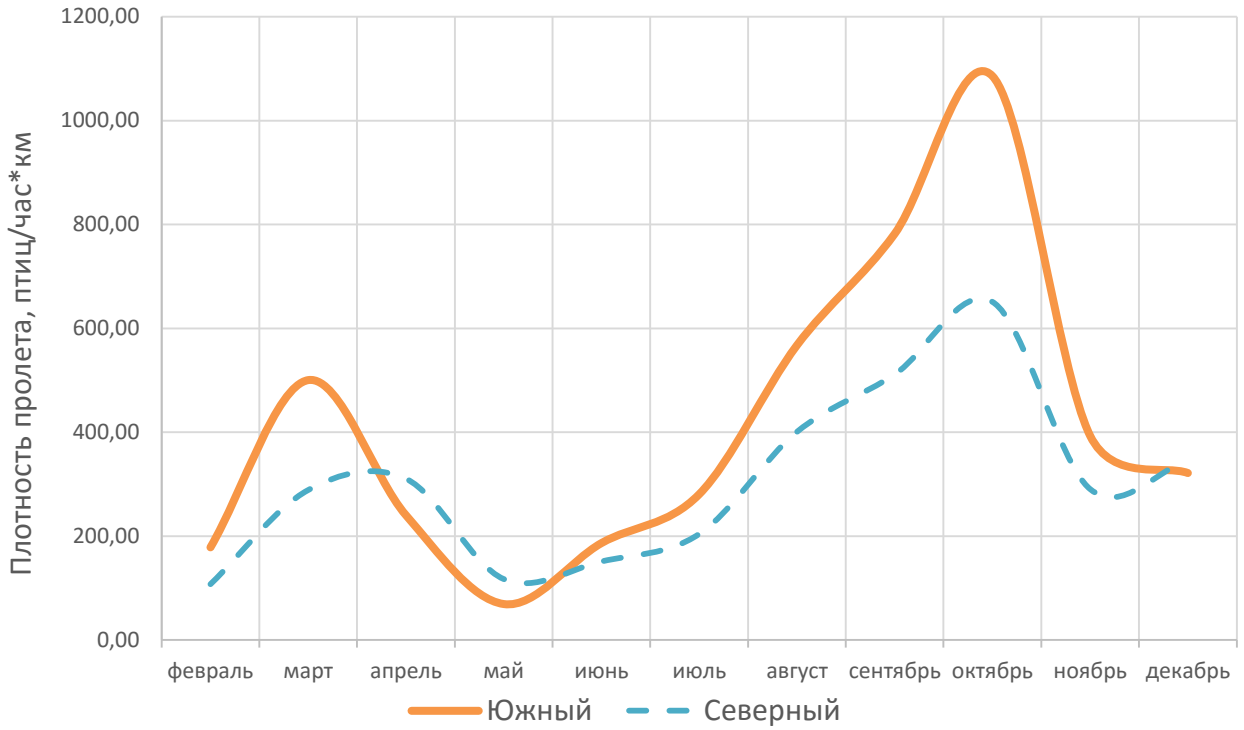


Рис. 2. Помесячное изменение интенсивности пролёта птиц на южном и северном ближних приводах аэропорта «Калуга» в течение года.

Разница между максимальной и минимальной среднечасовой реконструированной плотностью пролёта составляла на «северном» ПНП 83.3 раза – от 2661 птиц/ч·км (1 октября 2015) до 32 птиц/ч·км (22 марта 2016). На «южном» ПНП колебания достигали 263 крат – максимум 5700 птиц/ч·км (18 сентября 2015) и минимум 22 птиц/ч·км (22 декабря 2015).

На рисунке 1, очевидно, прослеживаются сезонные состояния дневных перелётов птиц, которые можно охарактеризовать как период весенней миграции (10-14 марта), репродуктивный период (6 апреля – 8 июня), вылет первого поколения (15-25 июня), вылет второго поколения (6-24 июля), подготовка к осенней миграции (4-27 августа); осенняя миграция (первая волна, 17 сентября – 2 октября), осенняя миграция (вторая волна, 19 ноября – 21 декабря); зимовка (24 декабря – 1 марта).

На рисунке 2 те же данные, что и на рисунке 1, представлены в форме среднемесячных значений плотности пролёта. В таком виде проявляются наиболее общие тенденции в сезонном изменении плотности пролёта.

Соотношение наиболее опасных для воздушных судов птиц в течение года представлено на рисунке 3. Почти во все месяцы года доми-

нировали вороновые, среди которых преобладали галки и во́роны. Лишь в апреле среди наиболее опасных для воздушных судов птиц доминировали чайки – 18.7 птиц/ч·км (в порядке убывания численности: озёрная чайка *Larus ridibundus*, сизая чайка *L. canus*, серебристая чайка *L. argentatus*, клуша *L. fuscus)*, а в августе голуби – 71.4 птиц/ч·км, из них сизый голубь *Columba livia* абсолютно доминировал, вяхири *C. palumbus* отмечались регулярно, но всегда пролетали в одиночку или парами и были малочисленны.

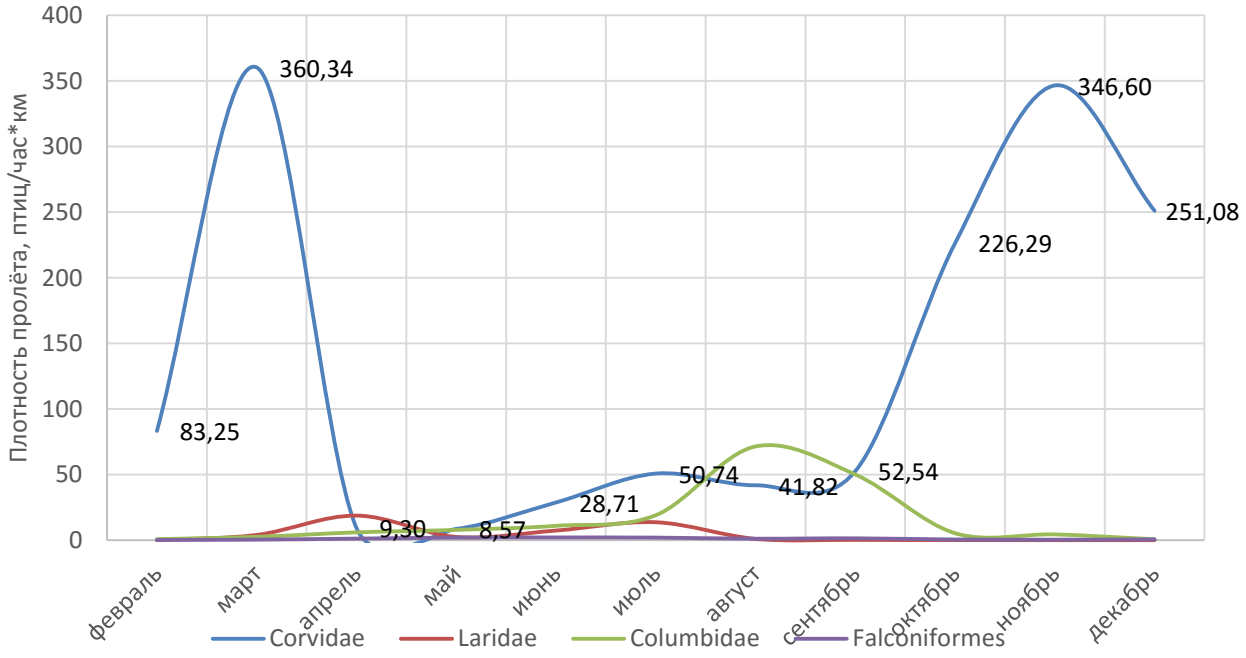


Рис. 3. Динамика помесячного изменения плотности пролёта основных самолетоопасных групп птиц на южном ближнем приводе АО «Международный аэропорт «Калуга».

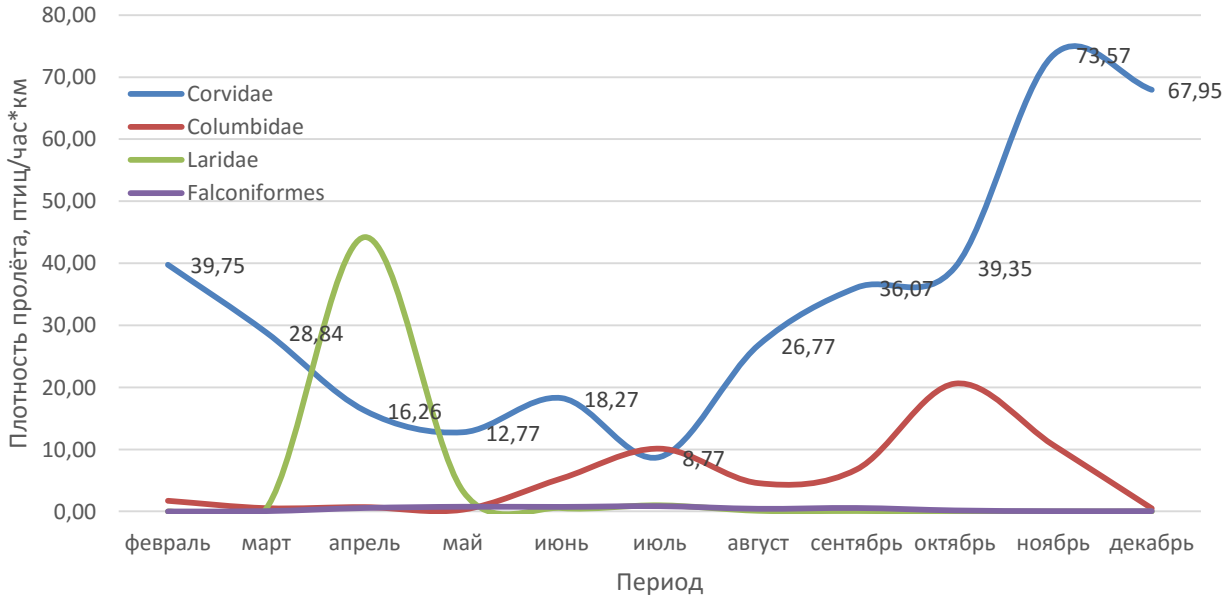


Рис. 4. Динамика помесячного изменения плотности пролёта основных самолетоопасных групп птиц на северном ближнем приводе АО «Международный аэропорт «Калуга».

Дневные хищные птицы были всегда малочисленны (рис. 3, 4). Они представлены, в порядке убывания численности, следующими видами: чёрный коршун *Milvus migrans*, канюк *Buteo buteo*, пустельга *Falco tinnunculus*, перепелятник *Accipiter nisus*, полевой лунь *Circus cyaneus*, зимняк *Buteo lagopus*, болотный лунь *Circus aeruginosus*, тетеревятник *Accipiter gentilis*, осоед *Pernis apivorus*, чеглок *Falco subbuteo*, орёл-карлик *Hieraaetus pennatus*.

На «северном» ПНП, в 4 км от полигона ТБО, наблюдалась картина, имеющее сходство с «южным» ПНП, хотя интенсивность пролёта всех групп птиц, за исключением голубей, была ниже: вороновых в 4 раза, чаек в 3.6 раза, дневных хищных птиц в 2.7 раза (рис. 4). Плотность пролёта голубей была в 1.3 раза выше, чем на «южном» ПНП. Как и на «южном» ПНП, в апреле преобладал пролёт чаек – 44.2 птиц/ч км. В остальное время года преобладали вороновые птицы.

Литература

Гаврилов Э.И. 1977. Методика сбора и обработки материалов по количественной характеристике видимых миграций птиц // *Методы изучения миграций птиц*. М.: 96-117.

Дольник В.Р. (ред.) 1981. *Методы обнаружения и учёта миграций птиц*. Л.: 1-150.

Михеев А.В. 2010. Экологические адаптации к сезонным миграциям у птиц // *Рус. орнитол. журн.* **19** (604): 1855-1861.

Руководство по орнитологическому обеспечению полётов в гражданской авиации (РООП ГА-89) 1989. М.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1332**: 3247-3248*

Чечётка *Acanthis flammea* в Новоржевском районе Псковской области

Э.В.Григорьев

Эдуард Вячеславович Григорьев. Новоржевский историко-краеведческий музей.
Деревня Дубровы, Новоржевский район, Псковская область, 182457, Россия.
E-mail: edik.grigoriev2016@yandex.ru

Поступила в редакцию 18 августа 2016

В Новоржевском районе Псковской области чечётка *Acanthis flammea* – обыкновенный пролётный и зимующий вид. Наблюдения за прилётом, отлётом и зимовками этих птиц велись на протяжении 19 лет (с 1995 по 2016) в юго-западной части Новоржевского района, примерно в 10 км от города Новоржева. Даты первых встреч чечёток осенью (прослежено для 19 лет) и даты последних регистраций весной (прослежено для 17 лет) приведены в таблице.

Сроки прилёта и отлёта чечёток *Acanthis flammea* в Новоржевском районе Псковской области

Зимы	Первая встреча осенью	Последняя встреча весной	Зимы	Первая встреча осенью	Последняя встреча весной
1995/96	17 октября	13 марта	2007/08	25 октября	9 марта
1996/97	8 октября	13 марта	2008/09	25 октября	5 апреля
1998/99	13 октября	16 марта	2009/10	7 ноября	27 февраля
1999/00	21 октября	17 марта	2010/11	26 октября	17 апреля
2000/01	14 октября	30 марта	2011/12	15 октября	10 апреля
2001/02	19 октября	3 марта	2012/13	4 октября	17 апреля
2002/03	6 октября	–	2013/14	16 октября	29 марта
2003/04	15 октября	7 апреля	2014/15	15 ноября	1 апреля
2004/05	1 октября	–	2015/16	23 октября	16 марта
2005/06	14 октября	30 марта	**В среднем**	**18 октября**	**25 марта**

Осенью даты появления чечёток варьировали от 1 октября в 2004 году до 15 ноября в 2014, в среднем 18 октября (n = 19).Весной последние встречи регистрировались от 27 февраля в 2010 году до 17 апреля в 2011, в среднем на 25 марта (n = 17). Длительность пребывания чечёток в районе исследований варьировала от 105 до 199 дней, в среднем составив 159 дней. Чечётки встречались каждую зиму и наблюдались почти ежедневно. Зимой они держатся в основном в приручьевых ольшаниках и берёзовых рощицах, основную их пищу составляют семена этих деревьев.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1332**: 3248-3250*

Турухтан *Philomachus pugnax* в Кургальджинском заповеднике

В.В.Хроков, И.А.Кривицкий, Е.Н.Волков

*Второе издание. Первая публикация в 1986**

Наблюдения проводили в 1959-1962 и 1968-1979 годах. Турухтан *Philomachus pugnax* в Кургальджинском заповеднике был многочислен на пролёте весной и осенью, регулярно, но в значительно меньшем

* Хроков В.В., Кривицкий И.А., Волков Е.Н. 1986. Турухтан в Кургальджинском заповеднике // *Фенологические исследования в государственных заповедниках*. Алма-Ата: 110-111.

количестве встречался летом. Учёты численности показали, что в мае на 1 км различных биотопов держится 1.4-80 особей (Султанкельды, Аккошкар), в июне – 0.2-7 (Шолак, Аккошкар), в июле – 11-114 (Шолак, Аккошкар), в августе – 10-230 (Шолак), в сентябре – 0.3-60 (Бартыбан), в октябре – 0.5 особи (Есей). Наибольшая численность наблюдалась в полынно-типчаковой степи близ озера Аккошкар на участке Нагыман-Кульшумской плотины (10 км), где местами на 1 км приходилось в мае до 700, в июне – до 1000 особей. Относительное обилие турухтана среди всех куликов Тенгиз-Кургальджинской впадины, как гнездящихся, так и пролётных, составляет 29.3%.

Первое появление турухтана зарегистрировано 13 апреля 1970 (самый ранний срок) и 5 мая 1979 (самый поздний срок), средняя дата за 8 лет наблюдений – 26 апреля. Передовые особи встречаются поодиночке (встречаемость в апреле 5.9 и в мае – 9.6%) и небольшими стайками из 3-20 особей (встречаемость по месяцам соответственно 82.8 и 89.9%), в основном самцов. Массовый пролёт проходит в середине мая в северо-восточном направлении, когда встречаются стаи по 50-300 и до 1000 особей, состоящие из птиц обоих полов, наблюдаются «турниры» самцов. В третьей декаде мая вновь отмечается волна пролёта, но она кратковременна. К июню остаётся мало турухтанов. Держатся они поодиночке (встречаемость 40%) и группами из 3-20 особей (55%), редко парами. Однако 1 июня 1977 в степи у Ныгымана наблюдали стаю не менее чем из 2000 птиц.

В первых числах июля по берегам водоёмов появляются стаи до 100 особей, среди которых преобладают самцы (около 90%). К концу месяца турухтаны буквально «наводняют» прилежащую к озёрам степь, будучи в это время самым многочисленным видом из северных куликов. Держатся крупными стаями, но нередки и одиночки (17.7%). По-прежнему в стаях преобладают самцы, интенсивно линяющие, с остатками брачного наряда. По всей видимости, турухтаны, подобно гусеобразным, в массе собираются в Центральном Казахстане на линьку.

С начала августа начинают преобладать самки (многие с наседными пятнами). Число самцов резко снижается, появляются молодые птицы. Осенний пролёт заканчивается быстро, проходит стаями до 300-500 куликов, увеличивается встречаемость одиночек (в августе 24.4, в сентябре – 30.2%). Последними летят молодые птицы – поодиночке и группами в 3-15 особей. В разные годы исчезновение турухтанов зарегистрировано 13 сентября 1960 (самый ранний срок) и 26 октября 1971 (самый поздний срок), средняя дата за 6 лет наблюдений – 2 октября.

Турухтаны держатся на травянистых и солончаковых берегах водоёмов, заливных лугах, «тырлах», степных лужах и по дорогам. В периоды сезонных миграций наибольшее значение для них приобретают солончаковые берега озёр и соров (встречаемость 55.9-94,8%), прие-

жащая степь (43-64.3%). На берегах водоёмов турухтаны часто объединяются в огромные смешанные стаи с другими видами куликов.

В июне отмечены птицы, кормящиеся подёнками в степи. Осенью турухтаны часто кормятся на скоплениях отмерших водорослей у берегов озёр, подбирают зёрна пшеницы на дорогах. Нередко совершают массовые перелёты на убранные пшеничные поля и обратно на озёра, напоминающие регулярные трофические перемещения гусеобразных.

В исследованных желудках (всего 35) турухтанов найдены жуки, в основном жужелицы и долгоносики, их личинки (встречаемость 47.5%), зёрна пшеницы (31.4%), семена рдестов, осок и ситников (31.4%), личинки двукрылых и чешуекрылых (28.6%), в незначительном количестве – личинки водных насекомых, моллюски, муравьи и др. Гастролиты присутствовали в 94.3% желудков (в четырёх было 115 гастролитов, в среднем – 29.3 штуки). Их размеры – 0.5-6, в среднем 2.9 мм, вес их из одного желудка 0.1-0.9, в среднем 0.4 г. Сырой вес содержимого желудка (всего 29) – 0.15-3.35, в среднем 1.28 г.

Среди добытых птиц встречались как очень тощие, так и жирные особи. Летом турухтаны средне упитаны. Самки (4 экз.) в мае весят 107.5-139.8, в среднем 121.6 г., самцы (6 экз.) – 193.4-210.5, в среднем 209.7 г. В июле вес снижается у самок (3 экз.) до 102.2-111.5, в среднем 107.4 г и у самцов (12 экз.) до 177-212.5, в среднем 107.4 г. Осенью самки набирают вес, а самцы продолжают худеть. В августе-сентябре вес самок (5 экз.) составлял 102.5-161.5, в среднем 127.3 г, самцов (7 экз.) – 129.5-200, в среднем 169.2 г.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1332**: 3250-3252*

Случай кормления молодых могильников *Aquila heliaca* на остатках добычи беркута *Aquila chrysaetos* в Бухтарминской долине

А.Н.Челышев, Н.Н.Березовиков

Андрей Николаевич Челышев. Катон-Карагайский национальный парк, посёлок Катон-Карагай, Катон-Карагайский район, Восточно-Казахстанская область, 070908, Казахстан
Николай Николаевич Березовиков. Отдел орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 19 августа 2016

Известно, что беркуты *Aquila chrysaetos* способны добывать мелких копытных животных, включая сибирскую косулю *Capreolus pygargus*,

кабаргу *Moschus moschiferus*, архара *Ovis ammon* и сибирского горного козла *Capra sibirica*. На Южном Алтае наблюдали несколько успешных охот беркутов на косуль – как подранков, так и здоровых (Березовиков 1986; Березовиков, Воробьёв 1989). Ещё один случай добычи беркутом косули отмечен недавно в Бухтарминской долине.

В Катон-Карагайском национальном парке на левобережье Бухтармы, в 3 км южнее села Барлык (Печи), у входа в один из логов Бухтарминских гор в урочище Белкайын 12 декабря 2014 в 11 ч дня был замечен взрослый беркут, тяжело взлетевший с заснеженной поляны вдоль ручья. По руслу этого ручья был замечен молодой могильник *Aquila heliaca*, кормившийся на туше молодой косули, лежавшей на камнях в водном потоке, а на соседней берёзе сидел ещё один могильник с опущенными крыльями и сушивший мокрое оперение. Следов пребывания волков *Canis lupus* и других хищных зверей поблизости не оказалось, поэтому первым предположением было, что косуля могла быть добыта беркутом, тем более, что в одном из соседних логов у него имелось гнездо на уступе скалы. Это подтвердил последующий осмотр места, показавший, что следы косули выходили из лесистого лога на поляну, где она и подверглась воздушной атаке беркута. По следам было видно, что спасаясь от него, она метнулась под защиту раскидистого куста черёмухи, где орёл настиг и повалил её. Во время борьбы они свалились в каменистое русло ручья, где беркут умертвил её и затем кормился на её трупе. Судя по размерам и внешнему виду, косуля была сеголетком массой около 12 кг. Когда мы её нашли, от неё оставался уже сильно объеденный скелет с обрывками шкуры. Во второй половине дня сюда слетелись и вплоть до вечера кормились сороки *Pica pica* и восточные чёрные вороны *Corvus corone orientalis* – характерные посетители мест добычи хищниками животных.

Молодые могильники явно появились на добыче позднее и доедали остатки косули уже после того, как беркут насытился и выбрался отдыхать на поляну. Об этом свидетельствовал его тяжёлый взлёт с длительным разбегом, свойственный сильно переевшим орлам. Отмеченные могильники были местными птицами и, несомненно, принадлежали одной из пар, гнездящихся в долине Бухтармы между сёлами Согорное, Барлык и Коробиха. В последние малоснежные годы они стали оставаться зимовать в этом районе (Челышев 2012; Стариков, Шершнёв 2013).

Выражаем признательность инспектору Катон-Карагайского национального парка Советхану Конурову за помощь в проведении наблюдений за хищными птицами.

Литература

Березовиков Н.Н. 1986. *Беркут*. Алма-Ата: 1-111.

Березовиков Н.Н., Воробьёв И.С. (1989) 2013. Питание беркута *Aquila chrysaetos* в горах Южного Алтая // *Рус. орнитол. журн.* **22** (836): 71- 72.

Стариков С.В., Шершнёв Е.И. 2013. Первые результаты опыта по подкормке хищных птиц в Бухтарминской долине на Южном Алтае // *Рус. орнитол. журн.* **22** (916): 2432-2433.

Челышев А.Н. 2012. Новые данные о гнездовании могильника *Aquila heliaca* в Бухтарминской долине на Южном Алтае // *Рус. орнитол. журн.* **21** (829): 3260-3263.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск ***1332****: 3252-3256*

Гнездование сороки *Pica pica* в населённых пунктах в Иркутской области

И.В.Фефелов

*Второе издание. Первая публикация в 2014**

Сорока *Pica pica*, как и многие другие врановые, проявляет склонность к синантропизации. Однако у разных подвидов этот процесс идёт по-разному. В связи с этим приводим некоторые данные о гнездовании и поведении сороки в городе Иркутске и в Иркутской области (1979-2014 годы), а также материалы кратковременных наблюдений автора из других регионов (Владивосток, 1988; Пекин, 2008; Улан-Батор, 2009).

Отмечено, что на Дальнем Востоке сорока освоила гнездование в населённых пунктах раньше и успешнее, чем вороны большеклювая *Corvus macrorhynchos* и чёрная *C. corone orientalis* (Тагирова 1996; Константинов и др. 2004; Назаров 2004). Вероятно, здесь было значимо освоение высоких деревьев в качестве гнездового субстрата. При этом в Сибири или в европейской части России сорока – по крайней мере до последнего времени – чаще вела себя если не как урбофоб, то как вид, не склонный к размножению в городах.

Аналогичная ситуация имела место и в Иркутской области. Чёрная ворона начала гнездиться в городе Иркутске около полувека назад. Не в последнюю очередь это связано с массовыми уличными посадками тополей *Populus* spp. и достижением ими достаточно большой высоты. Сейчас на тополях располагается около 40% городских гнёзд вороны (Фефелов 2010). Сорока начала гнездиться в Иркутске в 1973 году, практически синхронно с вороной (Сонина и др. 2011). Однако она селилась только в зонах паркового типа (заросли по долинам ручьёв, парки и лесопарки, старые кладбища и т.п.). Предпочитаемый гнездовой субстрат сороки в природе и агроландшафте – кусты средней и

* Фефелов И.В. 2014. Гнездование сороки *Pica pica* (L., 1758) в населённых пунктах в Иркутской области // *Амур. зоол. журн.* **6**, 4: 447-449.

большой высоты, а не деревья, как у вороны. Такие же места она выбирала в Иркутске и других населённых пунктах области. При этом, если кустарники были высажены вдоль улицы, сороки в них не гнездились. Это не было связано с нехваткой гнездового субстрата нужного размера и густоты, поскольку он уже имелся в достаточном количестве, в частности, за счёт клёна ясенелистного *Acer negundo*. В 1980-х годах сорока на гнездовье в Иркутске была редкой, в то время как чёрная ворона – уже обычной и многочисленной (Липин и др. 1988).

По-видимому, в последнее время внедрение сороки в населённые пункты ускорилось за счёт освоения новых гнездовых местообитаний. Так, с 2005 года постоянно заселяемый гнездовой участок возник в левобережной части Иркутска, в посадках клёна ясенелистного вдоль улицы Лермонтова (улица разделяет лесопарк Академгородка и его жилую многоэтажную застройку; в самом лесопарке сороки гнездились и ранее). В это же время появились три регулярно заселяемых участка по улице 4-я Железнодорожная и в начале улицы Лермонтова. Эти улицы проходят частично по многоэтажной застройке, частично по смешанной (многоэтажные дома и старые одноэтажные усадьбы, местами небольшие пустыри, заросшие преимущественно клёном ясенелистным). На некоторых участках движение автотранспорта очень интенсивно. К 2014 году на этих улицах в пределах 8.1 км застройки располагается уже как минимум 6 гнездовых территорий сороки. Возможно, не было учтено ещё несколько гнёзд, расположенных на больших приусадебных участках с крупным кустарником. В 2007 году гнездо сороки во дворе главного корпуса медицинского университета, практически в центре города, находилось на вязе *Ulmus* sp. на высоте 4 м. В 2008 году гнездо близ центра обнаружено между Байкальской улицей и автопарковкой торгового центра на кусте яблони ягодной *Malus baccata* на высоте 6 м. Заметим, что в обоих случаях в 100-300 м располагались парковые массивы, где сороки гнездились и ранее.

В Иркутске отмечаются и случаи устройства сороками гнёзд на крупных деревьях классической формы, в том числе в центре города. Однако освоение такого способа размещения гнезда и в населённых пунктах, и вне их идёт медленно. В 2006 году одно гнездо находилось на периферии Октябрьского района города на берёзе на высоте 15 м. В 2009 году сорока гнездилась в центральной части города в школьном дворе по улице Тимирязева на тополе на высоте 12 м. В 2013 году гнездо в Октябрьском районе было расположено на высоте 9 м на одном из тополей, окружающих территорию детского сада. На участках, где сороки гнездятся на деревьях, преобладают, как правило, многоэтажные здания различного назначения.

По результатам маршрутных учётов 2001-2002 годов, в Иркутске численность сороки в первой половине лета составляла 5 ос./км^2, при-

чём в большинстве типов застройки была в пределах от 0 до 4 и лишь в отдельных типах достигала 17 ос./км^2. Для сравнения, численность чёрной вороны в большинстве типов застройки составляла 3-17 ос./км^2 (в одном из типов – 48 ос./км^2), в среднем – 19 ос./км^2 (Саловаров и др. 2005). Поскольку это усреднённые данные, более точную информацию о числе размножающихся птиц дают учёты гнёзд. Плотность гнездования вороны в правобережной части Иркутска в 2006-2007 годах, определённая путём картирования, составляла порядка 6 пар/км^2 (в большинстве типов застройки – от 4 до 8, в отдельных парковых зонах – до 12 пар/км^2) (Фефелов 2010). К настоящему времени она, по-видимому, мало изменилась. Хотя, в отличие от вороны, специальные учёты гнёзд сороки не проводились, плотность её населения мы можем приблизительно оценить в 0.5 пары/км^2, что на порядок ниже, чем у вороны. В 2007 году на учётном полигоне в центральной части города располагались 22 заселённых гнездовых территории вороны и одно гнездо сороки, причём старое. Размножение врановых отмечено в более или менее озеленённых районах со смешанной, малоэтажной и старой многоэтажной застройкой. В новых микрорайонах они практически не гнездятся; одна из основных причин этого – слабое или слишком молодое озеленение.

Стоит упомянуть и о других видах врановых, размножающихся в черте Иркутска. Голубая сорока *Cyanopica cyanus* в последние 15-20 лет стала обычным гнездящимся видом парковых зон – на старых кладбищах, в лесопарке Академгородка, центральном парке, периодически в Ботаническом саду ИГУ и др. Грач *Corvus frugilegus* нерегулярно в небольшом числе гнездится в Кайской роще – внутригородском сосновом лесу. Одна пара воронов *Corvus corax* с 1997 года гнездится на периферии города в пойме реки Иркут, на опоре ЛЭП. Ни один из этих видов не устраивает гнёзда в уличных насаждениях или внутри застроенных участков.

В посёлке Куйтун Иркутской области отдельные случаи гнездования сороки на тополях отмечены уже в конце 1990-х и наблюдаются до сих пор, с высотой размещения гнёзд от 10 до 14 м. Здесь преобладает застройка сельского типа, но имеются древесные насаждения вдоль улиц и на территориях предприятий. Случаев устройства гнёзд на кустах в этом посёлке не зарегистрировано (исключая парковые зоны), вероятно, вследствие малого участия крупных кустарников в озеленении улиц. Из других населённых пунктов сельского типа, расположенных на юге Иркутской области, также известны отдельные случаи гнездования сороки на кустах в уличных или усадебных насаждениях.

В Иркутске сороки пока отличаются большей осторожностью, чем дальневосточные птицы. Так, во Владивостоке и Пекине для сорок обычен отдых или поиск корма на расстоянии 3-4 м от человека. В Ир-

кутске и Улан-Баторе это редкое явление, здесь сороки чаще всего соблюдают дистанцию от 5-8 м и более.

Следует ожидать дальнейшего освоения сорокой городского пространства в Иркутске. Однако вряд ли процесс будет быстрым. Во-первых, этот вид имеет мощного трофического и пространственного конкурента в лице чёрной вороны. Во-вторых, размножение сороки в населённых пунктах зависимо от гнездового субстрата, т.е. от городского озеленения (как и у вороны). В современной ситуации не следует ожидать увеличения числа потенциальных гнездовых деревьев или кустарников в ближайшие годы: убыль старых посадок за счёт их старения или новой застройки недостаточно восполняется новыми, а вновь высаженные растения ещё не имеют достаточных размеров.

Ранее мы уже предполагали, что в Прибайкалье меньшая, чем в Европейской России, скорость заселения городов воро́нами может быть связана с более медленным развитием самого урболандшафта в Восточной Сибири (Фефелов 2010). Сами механизмы формирования урбанизированных популяций могут быть очень разными, но вышесказанное в любом случае предоставляет базис для них. Вероятно, это можно равно отнести к восточноевропейским и западноазиатским популяциям сороки. Однако у восточноазиатских сорок история взаимоотношений с человеком, судя по всему, шла иными путями. Данные молекулярно-генетических исследований (Kryukov 2004) показывают, что подвиды сороки в Северной Евразии формируют европейско-сибирско-среднеазиатскую группу (в частности, подвиды *pica*, *bactriana*, *hemileucoptera* и прибайкальский *leucoptera)* и восточноазиатскую группу (в частности, подвиды *jankowskii* и *sericea)*, которые значительно удалены друг от друга, хотя и вряд ли на уровне двух обособленных видов.

Немаловажно, что восточноазиатская группа в течение многих тысяч лет имела благоприятные взаимоотношения с людьми, о чём упоминают и В.М.Константинов с соавторами (2004). Так, в Китае сорока пользуется уважением, а её гнездование у дома считается хорошим знаком. Характерно, что из двух иероглифов, которыми записывается название сороки по-китайски, один означает собственно «сорока», а другой – «счастье». У голубой сороки добавляется третий иероглиф – «серая». Благожелательное отношение к этим птицам, очевидно, старше, чем письменность. Итак, история формирования дальневосточных популяций сороки, с одной стороны, создала генетические предпосылки, а с другой – обеспечила поведенческую базу для успешной урбанизации вида в этой части своего ареала.

Благодарю И.Чуднову и Zhang Zhi за информацию, относящуюся к традициям и иероглифическому письму Китая. Исследования 2014 года выполнялись в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности Минобрнауки России (работа № 1354, тема № ГР 01201461929).

Литература

Константинов В.М., Родимцев А.С., Пономарев В.А. и др. 2004. *Сорока (Pica pica L.) в антропогенных ландшафтах Палеарктики (проблемы синантропизации и урбанизации)*. М.: 1-157.

Липин С.И., Сонин В.Д., Дурнев Ю.А., Безбородов В.И. 1988. Список птиц города Иркутска и его окрестностей // *Экология наземных позвоночных Восточной Сибири*. Иркутск: 70-79.

Назаров Ю.Н. 2004. *Птицы города Владивостока и его окрестностей*. Владивосток: 1-276.

Саловаров В.О., Кузнецова Д.В., Фефелов И.В. 2005. Летнее население птиц Иркутска // *Экология фундаментальная и прикладная: Проблемы урбанизации. Материалы Междунар. науч.-практ. конф*. Екатеринбург: 292-294.

Сонина М.В., Дурнев Ю.А, Попов П.П., Серышев А.А. 2011. Птицы иркутского академгородка: опыт эколого-географического анализа локальной фауны // *Байкал. зоол. журн*. 3 (8): 81-91.

Тагирова В.Т. 1996. Обыкновенная сорока в Хабаровске // *Экология и численность врановых птиц России и сопредельных государств: Материалы 4-го совещ*. Казань: 71-72.

Фефелов И.В. 2010. Пространственные особенности гнездования чёрной вороны *Corvus corone orientalis* в центральной части г. Иркутска в 2006-2010 гг. // *Изв. Иркут. ун-та*. Сер. Биол. Экол. **3**, 1: 71-75.

Kryukov A., Iwasa M.A., Kakizawa R., Suzuki H., Pinsker W., Haring E. 2004. Synchronic east-west divergence in azure-winged magpies *(Cyanopica cyanus)* and magpies *(Pica pica)* // *J. Zool. Syst. Evol. Research* **42**: 342-351.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1332**: 3256-3258*

Инвазии в Крым длиннохвостых синиц подвида *Aegithalos caudatus caudatus*

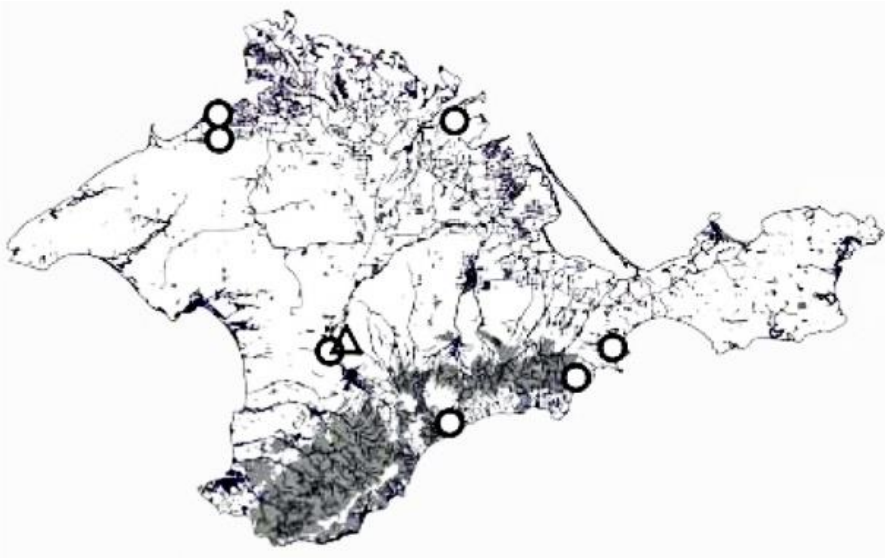
М.М.Бескаравайный, Н.А.Тарина

*Второе издание. Первая публикация в 2011**

Длиннохвостая синица, или ополовник *Aegithalos caudatus* на всём пространстве своего обширного ареала является оседлым, частично кочующим видом (Воинственский 1954). Крым населяет эндемичный подвид *A. c. tauricus* (Menzbier, 1903), особи которого отличаются от белоголовых птиц номинативной формы *A. c. caudatus* (Linnaeus, 1758) двумя широкими чёрными полосами по бокам верхней части головы (Степанян 1990). Залёты на Крымский полуостров белоголовых длиннохвостых синиц, гнездящихся на юге Украины (кроме Крыма) и севернее, ранее не отмечались.

* Бескаравайный М.М., Тарина Н.А. 2011. Инвазии в Крым длиннохвостых синиц номинативного подвида // *Бранта* **14**: 147-149.

В настоящем сообщении приводятся результаты наблюдений в равнинных районах, предгорьях и на Южном берегу Крыма в 2007 и 2010-2011 годах (см. рисунок). Наряду с собственными данными, использованы материалы, любезно предоставленные нам Ю.А.Андрющенко, А.Б.Гринченко, В.М.Попенко, С.Н.Шкарупо.



Пункты регистраций длиннохвостых синиц подвида *Aegithalos caudatus caudatus* в Крыму.
△ – регистрации в позднелетнее время; ○ – регистрации в осенне-зимнее время.

Впервые залёт в Крым двух особей номинативного подвида (возможно, пары) зарегистрирован 12 марта 2007 в селе Портовое Раздольненского района (Тарина, Костин 2011)*.

В осенне-зимний период 2010-2011 годов (октябрь-февраль) белоголовые птицы регулярно отмечались в большинстве физико-географических зон Крыма. В равнинной части полуострова известны встречи из 4 пунктов. Наиболее высокая численность зарегистрирована в Раздольненском районе: первые птицы (2) были встречены в Портовом 12 октября 2010, впоследствии стайки от 11 до 34 особей постоянно держались здесь и в посёлке Раздольное с 4 по 16 ноября. Стайка из 8 птиц отмечена 7 февраля 2011 у села Чайкино Джанкойского района. В предгорьях несколько особей наблюдались в третьей декаде ноября 2010 года у посёлка Грэсовский севернее Симферополя и 4 экз. – 11 ноября 2010 в Феодосии. Самые южные пункты регистраций приурочены к восточной части Южного Берега. С 27 октября 2010 до 17 февраля 2011 стайки из 4-11 белоголовых птиц постоянно держались на территории и в окрестностях усадьбы Карадагского природного заповедника (посёлок Курортное Феодосийского горсовета), а в первой декаде ноября 2010 года 8 особей встречены в окрестностях посёлка Приветное (Алуштинский горсовет).

* По устному уточнению Н.А.Тариной, эти птицы относились к белоголовой форме: в цитируемой статье данный факт не отмечен.

Особняком стоят позднелетние (в течение третьей декады августа 2011 года) наблюдения 2-3 птиц номинативного подвида в зоне предгорий – в районе посёлка Грэсовский. Вопрос о том, имела ли место новая инвазия, или это были птицы, задержавшиеся на полгода после предыдущей, остаётся открытым.

В северных районах Крыма группы ополовников состояли исключительно из белоголовых птиц. На Южном Берегу и в предгорьях это были преимущественно смешанные стайки – с разным соотношением особей номинативного и крымского подвидов, но в некоторых случаях в стайках присутствовали только белоголовые птицы. Кормились среди разреженной древесной растительности, в парках, зелёных зонах городов, на приусадебных участках, а в степи – в группах деревьев.

Таким образом, дальность послегнездовых кочёвок ополовников в некоторые годы может составлять несколько сотен километров от границ ареала.

Литература

Воинственский М.А. 1954. Семейство толстоклювые синицы Paradoxornithidae // *Птицы Советского Союза*. М., **5**: 784-797.

Степанян Л.С. 1990. *Конспект орнитологической фауны СССР*. М.: 1-728.

Тарина Н.А., Костин С.Ю. 2011. Аннотированный список птиц филиала Крымского природного заповедника «Лебяжьи острова» // *Науч. зап. заповедника «Мыс Мартьян»* **2**: 177-215.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск **1332**: 3258-3262*

Заметки о птицах Охотского района Хабаровского края

В.В.Пронкевич, В.Е.Мороков

*Второе издание. Первая публикация в 2012**

Материал для настоящего сообщения собран в самом северном районе Хабаровского края – Охотском. В связи с труднодоступностью его территория в орнитологическом плане остаётся одной из наименее изученных на Дальнем Востоке России.

Большая белая цапля *Casmerodius albus*. Редкий вид центральных районов и обычный на некоторых южных участках Хабаровского края с тенденцией увеличения численности, занесён в региональную

* Пронкевич В.В., Мороков В.Е. 2012. Заметки о птицах Охотского района Хабаровского края // *Амур. зоол. журн*. **6**, 2: 194-196.

Красную книгу (Пронкевич и др. 2011). В 1970-х годах размножение большой белой цапли предполагалось для озера Болонь (Росляков 1981). Основную часть отмечаемых на территории края птиц, вероятно, следует считать залётными с южных колониальных поселений в Приморском крае или КНР. Наиболее северными местами находок до недавнего времени считались: внутри материка – озёра Эворон и Удыль (Воронов, Пронкевич 1991; Бабенко 2000), а на морском побережье – устье реки Тумнин (наши данные).

В Охотском районе Хабаровского края залёты большой белой цапли стали отмечаться местными жителями с 2007 года. Впоследствии наблюдался неуклонный рост числа встреч кочующих птиц. В настоящее время большая белая цапля регулярно регистрируется во второй половине лета на литорали в окрестностях посёлка Охотск.

Чёрная казарка *Branta (bernicla) nigricans*. Очень редкий пролётный вид Хабаровского края, внесённый в Красную книгу России. В южных и центральных районах региона регистрируется крайне редко (Росляков 2008). В Охотском районе птицы отмечаются практически ежегодно в приустьевой части реки Кухтуй, где держатся с конца мая до середины июня. Здесь они активно кормятся на моховых болотах и литорали. В 1960-х годах за период весенней миграции в устье реки Кухтуй удавалось отмечать лишь 15-20 чёрных казарок, а в последние годы – до 500. В экспозиции охотского краеведческого музея находятся 3 экз. чёрной казарки, добытые в разные годы вблизи Охотска.

Краснозобая казарка *Branta ruficollis*. Область гнездования краснозобой казарки, внесённой в Красную книгу России, расположен на севере Западной Сибири, а её зимовки находятся в Западном Причерноморье (Степанян 2003). Ранее для Хабаровского края информация о пребывании этого вида отсутствовала, равно как и для сопредельных территорий – Приморского края, Еврейской автономной и Сахалинской областей (Нечаев 1991; Росляков 1995; Нечаев, Гамова 2009; Аверин 2010; Глущенко и др. 2010). Для Амурской области краснозобая казарка приводится в качестве очень редкого пролётного вида (Глущенко 2009). Нам известно о добыче двух залётных птиц рассматриваемого вида в окрестностях посёлка Охотск. Одна из них была добыта в третьей декаде мая 1997 года, а другая – примерно 20 лет назад.

Мандаринка *Aix galericulata*. Обычный пролётный и гнездящийся вид южных районов Хабаровского края, имеющий в последние годы тенденцию роста численности. Ранее наиболее северным пунктом встречи мандаринки в регионе являлся Тугурский полуостров (Пронкевич 2008). В июне 2003 года самец был добыт охотником из одновидовой стайки в 30 особей в Охотском районе на реке Хайбас. Из него изготовлено чучело, которое хранится в экспозиции охотского краеведческого музея. Местные жители неоднократно отмечали мандаринку

отдельными особями и парами на реке Охота, где в пойменных лесах широко представлены дуплистые деревья тополя Максимовича *Populus maximowiczii*. По нашему мнению, существует высокая вероятность размножения вида на этой северной реке.

Бэров нырок *Aythya baeri*. Очень редкий вид Хабаровского края, внесённый в Красную книгу России. Характер пребывания этого нырка в регионе неясен. Известно лишь одно сообщение (без описания деталей), указывающее на размножение вида в Ульбанском заливе Охотского моря (Бабенко 2000).

В третьей декаде мая 2010 года одиночный самец был добыт на маревом озере в 60 км западнее Охотска. Из этой птицы изготовлено чучело, которое хранится в частной коллекции жителя Охотска. Судя по фотографиям, голова этого экземпляра имеет явный рыжий оттенок, не типичный для нырка Бэра, при сохранении всех остальных диагностических признаков (см. рисунок).

Чучело нырка Бэра *Aythya baeri*, добытого в третьей декаде мая 2010 года в 60 км западнее Охотска.

Гага-гребенушка *Somateria spectabilis*. В России область гнездования гребенушки охватывает арктическое побережье от полуострова Канин до Чукотского полуострова и некоторые арктические острова. Места зимнего пребывания вида расположены в Беринговом море, у Алеутских и Курильских островов и у берегов Камчатки. Известен за-

лёт двух птиц в южную часть Приморского края (Степанян 2003; Нечаев, Гамова 2009). В окрестностях посёлка Охотск в период весенней миграции перемещения гаг-гребенушек в восточном направлении наблюдаются почти ежегодно. Встречаются одиночные птицы, а однажды была отмечена группа из 6 особей. В экспозиции Охотского краеведческого музея имеется чучело самца, добытого в середине 1980-х годов в 60 км восточнее Охотска. Ещё одна птица была добыта там же весной 2010 года (фотография этого экземпляра была представлена одному из авторов заметки).

Стерх *Grus leucogeranus*. Очень редкий пролётный вид Хабаровского края, внесённый в Красную книгу России. По данным опросов местных жителей Охотского района, стерх регулярно встречается здесь в период как весеннего, так и осеннего пролётов. Регистрируются как отдельные особи, так и небольшие группы, а 8 октября 1998 на реке Охота в 40 км от устья одна птица была добыта из стайки в 5 особей (изготовленное из неё чучело хранится в краеведческом музее Охотска).

Рогатая камышница *Gallicrex cinerea*. Вероятно, ошибочно рогатая камышница была отнесена Г.Е.Росляковым (1989, 1995) к малочисленным гнездящимся видам южной части Хабаровского края. Ближайшие места размножения вида расположены в Приморском крае (Нечаев, Гамова 2009; Глущенко и др. 2010). Молодая истощённая особь была найдена погибшей на огороде в посёлке Охотск 27 октября 1994. Её залёту предшествовала многодневная штормовая погода. Изготовленное из неё чучело хранится в краеведческом музее Охотска.

Турухтан *Philomachus pugnax*. Очень редкий пролётный вид южной части Хабаровского края, более обычный в его северном секторе, где в окрестностях Охотска в третьей декаде мая ежегодно регистрируются его стайки. В конце мая 1981 года одному из авторов удалось наблюдать, как стая летящих турухтанов численностью до 200 особей врезалась в ЛЭП. После чего в результате столкновения было собрано 15 травмированных птиц. В разные годы в коллекцию Охотского краеведческого музея поступило 25 особей турухтана, которые выставлены в его экспозиции. В период летне-осеннего пролёта в районе Охотска вид достоверно был зарегистрирован лишь однажды, что, возможно, связано с трудностью определения птиц в этот период.

Лопатень *Eurynorhynchus pygmeus*. В 1960-1970-х годах на морском побережье в районе Охотска лопатень не представлял большой редкости. Здесь ежегодно (попутно с добычей прочих куликов) отстреливались 1-2 особи этого вида. В экспозиции охотского музея хранятся два клюва птиц, добытых во второй половине XX века. В XXI столетии сведения об их добыче охотниками не поступали. Лишь в третьей декаде мая 2005 года на приливно-отливной зоне в устье реки Кухтуй была зарегистрирована небольшая стайка.

Авторы выражают искреннюю благодарность к.б.н. Е.С.Кошкину и жителю посёлка Охотск С.И.Бурдину за предоставленные фотографии чучел птиц.

Литература

Аверин А.А. 2010. Орнитофауна Еврейской автономной области // *Региональные проблемы* **13**, 1: 53-59.

Антонов А.Л. 2008. Чёрный аист *Ciconia nigra* (Linnaeus, 1758) // *Красная книга Хабаровского края: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных: официальное издание*. Хабаровск: 432-433.

Бабенко В.Г. 2000. *Птицы Нижнего Приамурья*. М.: 1-725.

Воронов Б.А., Пронкевич В.В. 1991. О некоторых орнитологических находках в Хабаровском крае // *Бюл. МОИП*. Отд. биол. **96**, 5: 23-28.

Глущенко Ю.Н. 2009. Краснозобая казарка *Rufibrenta ruficollis* (Pallas, 1769) // *Красная книга Амурской области. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных, растений и грибов*. Благовещенск: 64-65.

Глущенко Ю.Н., Нечаев В.А., Глущенко В.П. 2010. Птицы Приморского края: фауна, размещение, проблемы охраны, библиография (справочное издание) // *Дальневосточный орнитол. журн.* 1: 3-150.

Нечаев В.А. 1991. *Птицы острова Сахалин*. Владивосток: 1-748.

Нечаев В.А. 2000. Птицы // *Красная книга Сахалинской области (животные)*. Южно-Сахалинск: 31-122.

Нечаев В.А., Гамова Т.В. 2009. *Птицы Дальнего Востока России (аннотированный каталог)*. Владивосток: 1-564.

Пронкевич В.В. 2008. Мандаринка *Aix galericulata* (Linnaeus, 1758) // *Красная книга Хабаровского края: Редкие и находящиеся под угро¬зой исчезновения виды растений и животных: официальное издание*. Хабаровск: 444-445.

Пронкевич В.В., Воронов Б.А., Атрохова Т.А, Антонов А.Л., Аднагулов Э.В., Олейников А.Ю. 2011. Новые данные о редких и малоизученных птицах Хабаровского края // *Вестн. СВНЦ ДВО РАН* 3: 70-76.

Росляков А.Г. 2008. Американская казарка *Branta nigricans* (Lawrence, 1846) // *Красная книга Хабаровского края: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и животных: официальное издание*. Хабаровск: 433-434.

Росляков Г.Е. 1981. Краткие сведения о некоторых редких и малоизученных птицах Нижнего Приамурья // *Редкие птицы Дальнего Востока*. Владивосток: 112-115.

Росляков Г.Е. 1989. *Птицы Хабаровского края (справочное пособие)*. Хабаровск: 1-30.

Росляков Г.Е. 1995. *Птицы Хабаровского края (справочное пособие)*. Хабаровск: 1-90.

Степанян Л.С. 2003. *Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области)*. М.: 1-808.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск ***1332****: 3263-3272*

О подвидовой принадлежности некоторых видов дятлов Приамурья и Приморского края

Я.А.Редькин

*Второе издание. Первая публикация в 2016**

Вследствие особых физико-географических и климатических причин авифауна юга материковой части Дальнего Востока представляется одним из богатейших и сложнейших комплексов в пределах Российской Федерации как в зоогеографическом, так и в таксономическом плане. Подвидовая систематика ряда видов дятлов Picidae этого региона неоднократно становилась предметом специального обсуждения в литературе, однако остаётся дискуссионной и по сей день. Крупнейший вклад в исследование географической изменчивости дятлов Дальнего Востока был внесён С.А.Бутурлиным, посвятившим этому ряд публикаций (Бутурлин 1907, 1910, 1917, 1936; Buturlin 1907, 1908). Данная работа имеет своей целью упорядочить накопленные к нынешнему моменту сведения по географической изменчивости и таксономии дятлов Приамурья и Приморского края и кратко изложить результаты собственных исследований автора по данному вопросу.

Приведённые здесь сведения по географической изменчивости и подвидовой систематике дятлов основаны на изучении коллекционных материалов из Приморского края и сопредельных регионов, хранящихся в коллекциях Зоологического института РАН (ЗИН, Санкт-Петербург), Зоологического музея Московского государственного университета (ЗММГУ), Учебно-научного музея Дальневосточного федерального университета (ДВФУ, Владивосток), Биолого-почвенного института Дальневосточного отделения РАН (БПИ, Владивосток) и Зоологического музея Национального научно-природоведческого музея НАН Украины (ННПМ НАНУ, Киев). Кроме перечисленных собраний были использованы материалы обширной коллекции птиц, собранной С.В.Елсуковым главным образом в северо-восточной части Приморского края в районе Сихотэ-Алинского заповедника, и сборы В.Н.Сотникова, хранящиеся главным образом в коллекции Кировского городского зоологического музея (КГЗМ). Приведённые в работе промеры длины крыла выполнены линейкой при максимальном выпрямлении его на плоскости. Длина клюва измерялась штангенциркулем по коньку надклювья от заднего края рамфотеки до кончика клюва. Поскольку размеры самцов и самок пёстрых дятлов практически сходны, данные измерений приводятся без разделения по полу.

Большой пёстрый дятел *Dendrocopos major* (Linnaeus, 1758)

Изменчивость и систематическая принадлежность больших пёстрых дятлов, встречающихся на юге Дальнего Востока, неоднократно

* Редькин Я.А. 2016. О подвидовой принадлежности некоторых видов дятлов Приамурья и Приморского края // *Бутурлинский сборник: материалы 5-х международ. бутурлинских чтений*. Ульяновск: 62-72.

становилась предметом исследований. К.А.Воробьёв (1954) приводит 3 формы: *D. m. tscherskii* Buturlin, 1910 – обычный гнездящийся по всей территории светлобрюхий подвид; *D. m. japonicus* (Seebohm, 1883) – добыт в Уссурийском (Супутинском) заповеднике 27 сентября 1948 в количестве 2 экз., резко отличающихся «...сильным буровато-коричневым налётом на нижней стороне тела, а также на лбу и ушных перьях»; *D. m. brevirostris* (Reichenbach, 1854) – крупный светлобрюхий сибирский подвид с очень массивным клювом, гнездящийся в районе низовий Амура и посещающий южные части Приморья в период кочёвок (экземпляры от 2 мая 1938 из низовий реки Большая Уссурка (Иман) и от 30 ноября 1946 из Уссурийского заповедника).

А.А.Назаренко (1971) применительно к дятлам заповедника «Кедровая Падь» отмечает, что местная популяция номенклатурно должна быть отнесена к *D. m. japonicus*, но при этом она обладает неустойчивыми признаками: меньшая часть особей фенотипически сходна с *«japonicus»* – имеет буроватый налёт на щеках и груди, тогда как большая часть имеет фенотип *«tscherskii»*, т.е. белую окраску этих партий оперения. Форма *brevirostris*, по данным этого автора, почти регулярно зимует, при этом большинство зимующих особей «…в разной степени промежуточные между этой формой и *«tscherskii»*.

Е.Н.Панов (1973) предполагает, что изменчивость уссурийских птиц носит клинальный характер. По его данным, «с севера на юг происходит уменьшение длины крыла, удлинение клюва и потемнение светлых участков оперения». Этот автор считает, что южноуссурийские дятлы являются по этим признакам промежуточными между номинативной формой (в данном случае *«brevirostris»* рассматривается как синоним *D. m. major)* и корейскими *D. m. hondoensis* (или китайскими *D. m. cabanisi)*. На этой основе он предлагает свести форму *tscherskii* в синонимы *D. m. japonicus*. Применительно к форме *brevirostris* этот исследователь подтверждает данные о зимовках данного подвида и сообщает ещё об одном экземпляре (ЗИН), добытом 20 октября 1931 на острове Аскольд.

Позднее в результате филогеографического анализа больших пёстрых дятлов (Zink *et al.* 2002) было установлено, что птицы из Приморья, Японии и Сахалина представляют собой по отношению к прочим популяциям Северной Евразии самостоятельную филогенетическую ветвь, возраст обособления которой составляет около 18 тыс. лет. Таким образом, дальневосточные популяции (в том числе фигурирующие под именами *japonicus*, *tscherskii* и *hondoensis)* составляют самостоятельную группу рас, давно обособленную от прочих представителей *Dendrocopos major* s.l. С этим можно согласиться, учитывая некоторые морфологические особенности, свойственные всем популяциям этой группировки (тонкий клюв, наличие крупных двусторонних белых пятен

на второстепенных и третьестепенных маховых, а также максимально выраженная исчерченность нижней стороны тела молодых птиц), на что, в частности, указывал ещё С.А.Бутурлин (1936). К этой же группировке, вероятнее всего, принадлежит и крупная светлоокрашенная камчатская раса *D. m. kamtschaticus* (Dybowski, 1883), сближающаяся с *japonicus* по указанным выше признакам (Дементьев 1941). Здесь же важно упомянуть, что наиболее тёмные коричневобрюхие дятлы из Юго-Восточной Азии, иногда выделяемые в самостоятельный вид *D. cabanisi* (Malherbe, 1857), представляют собой ещё одну группу подвидов большого пёстрого дятла, филогенетически обособленную как от группировки *«japonicus»*, так и от северо-палеарктической группы *«major»*.

Согласно этим данным, в Приамурье и Приморском крае должны встречаться представители двух группировок форм: дальневосточной – мелкие тонкоклювые особи типа *japonicus–tscherskii* и северо-палеарктической, представленной здесь широко распространённой, крупной и толстоклювой сибирской расой *brevirostris*. Детали распространения последней на юге Дальнего Востока и характер её репродуктивных взаимоотношений с дятлами группы *«japonicus»* не вполне ясны и требуют специального исследования. Имеющиеся в коллекциях немногочисленные экземпляры указывают скорее на существование зоны симпатрии этих форм, поскольку птиц с очевидными переходными признаками удалось обнаружить лишь две (самец из района Биробиджана от 16 июня 1977, хранящийся в ЗММГУ, и самка из Шкотовского района Приморского края от 25 июня 1967 в коллекции ЗИН) из 82 просмотренных особей из материковой части юга Дальнего Востока (40 оказались фенотипически чистыми *brevirostris* и 40 – *tscherskii)*. Косвенно на отсутствие интерградации указывают и результаты ДНК-анализа (Zink *et al*. 2002). *D. m. brevirostris*, несомненно, гнездятся в Приамурье (Воробьёв 1954; Бабенко 2000) и, по-видимому, на севере Сахалина (коллекция ИМГиГ; сборы В.Н.Сотникова), откуда в коллекциях имеются экземпляры молодых птиц. В Приморском крае, помимо упомянутых выше особей, данный подвид добывался в Сихотэ-Алинском заповеднике (сборы С.В.Елсукова), однако во всех случаях (кроме находки от 2 мая 1938) – в негнездовой период.

Среди большого числа экземпляров дятлов группы *«japonicus»* как из Приморского края, так и из различных районов Приамурья представлены главным образом однотипно окрашенные и сходные по размерам особи. У них нижняя сторона тела и щёки с кремовым или коричневатым налётом, всегда хорошо заметным у птиц в свежем пере и ослабевающим в течение года по мере обнашивания и выцветания оперения. Летние птицы часто бывают почти белобрюхими, но, как правило, примесь кремового налёта в большей или меньшей степени

остаётся заметной. Задняя часть живота и подхвостье у них ярко-красные. Крыло материковых дятлов в среднем немного длиннее, чем у птиц этой группы из большинства проанализированных регионов. Его длина 128-138, в среднем 133.1 мм. Клюв относительно короткий: длина 25.4-31.7 в среднем 28.9 мм.

По отношению к настоящим *D. m. japonicus* (Seebohm, 1883) с Хоккайдо (terra typica этого подвида), Кунашира и Шикотана материковые дятлы значительно более светлобрюхие, немного более короткоклювые и длиннокрылые. У островных *japonicus* на нижней стороне тела развит равномерный охристо-коричневатый налёт, сохраняющийся в течение практически всего года. Индивидуальная изменчивость окраски низа у них невелика, хотя встречаются немного более светлые особи, однако и они всегда темнее типичных материковых дятлов. Кроющие уха темнее, чем у материковых птиц, насыщенного коричневато-охристого тона. Задняя часть живота и подхвостье розово-красные – иного оттенка, чем у приамурских и приморских экземпляров. Крыло 126-137, в среднем 131.5 мм, немного короче, чем у материковых особей. Длина клюва 26.6-32.9, в среднем 29.3 мм, немного больше, чем у приморских дятлов. Таким образом, можно заключить, что птицы из Приамурья и Приморского края не идентичны типичным *japonicus* из северной Японии и с южных Курил, при этом существующие отличия весьма постоянны и позволяют признать справедливость выделения расы *D. m. tscherskii* Buturlin, 1910.

Исследование коричневобрюхого самца из Приморья, собранного К.А.Воробьёвым 27 сентября 1948 (ЗММГУ), показало, что эта особь морфологически идентична восточно-китайским экземплярам *D. m. cabanisi*. Этот экземпляр, помимо очень тёмной коричневой окраски нижней стороны тела и кроющих уха, имеет более крупные общие размеры (длина крыла 144.7 мм), чем любые особи подвида *tscherskii*, а также меньшее по площади распространение белой окраски на плечевых партиях оперения. Область гнездования *D. m. cabanisi* в Китае простирается к югу и западу от побережья Ляодуньского залива (Ченг 1976), т.е. начинается примерно в 750 км юго-западнее района встречи в Приморье. Находка сразу двух экземпляров такой окраски в сентябре 1948 года, а также случаи добычи похожих коричневобрюхих экземпляров (БПИ) 30 января 1948 (самка, Уссурийский заповедник) и 20 августа 1948 (молодой самец, посёлок Терней), вероятно, являются следствием однократной широкой инвазии дятлов формы *cabanisi*, захватившей в тот период территорию Приморского края. Характерно, что ни до 1948 года, ни позднее столь темноокрашенных птиц в Приморском крае в норме не встречалось.

Таким образом, большие пёстрые дятлы, гнездящиеся в Приморье и на крайнем юге Хабаровского края, должны относиться к подвиду *D.*

m. tscherskii. Птицы с острова Сахалин, морфологически близкие к ним, хотя и незначительно отличающиеся ещё более светлой окраской низа, совершенно не обнаруживают каких-либо переходов к *japonicus* с острова Хоккайдо. Предварительно их также следует рассматривать в составе подвида *tscherskii*, по крайней мере, до проведения полной ревизии изменчивости всех популяций группы *«japonicus»*.

Большие пёстрые дятлы сибирского подвида *D. m. brevirostris* гнездятся в Приамурье и, по-видимому, регулярно встречаются в Приморье в период кочёвок. От расы *tscherskii* эта форма отличается очень толстым в основании клювом (ширина не менее 12 мм); большей длиной крыла (138-146, в среднем 142.2 мм); более светлой сливочно-белой окраской нижней стороны тела и боков головы; почти полным отсутствием белых пятен на третьестепенных маховых. Объединять сибирских дятлов с европейским номинативным подвидом, как это делается в ряде работ (Панов 1973; Бабенко 2000; Степанян 2003; и др.), неверно, поскольку последний отличается от *brevirostris* более насыщенной окраской нижней стороны тела и в среднем более мелкими размерами.

D. m. cabanisi, зарегистрированный в Приморском крае в 1948 году, лишь случайно проникает на эту территорию, вероятно, в годы инвазий.

Белоспинный дятел *Dendrocopos leucotos* (Bechstein, 1803)

В орнитологической литературе белоспинные дятлы из материковой части Дальнего Востока России часто фигурируют в составе номинативного подвида (Гладков 1951; Иванов 1953; Назаренко 1971; Панов 1973; Степанян 2003; Dikinson 2003). При такой трактовке области, занятые формой *D. l. leucotos* в Европе и Восточной Азии, оказываются разобщены сибирской светлоокрашенной расой *D. l. uralensis* (Malherbe, 1861) более чем на 3600 км. Мы провели сравнение обширных материалов по номинативному подвиду из европейской части ареала этого вида с сериями птиц с Дальнего Востока и установили, что при общем сходстве внешних признаков особи из этих областей обладают совершенно устойчивыми, хотя, на первый взгляд, и малозаметными отличиями. Клюв у дальневосточных дятлов массивнее в основании, в среднем шире и выше, хотя по длине практически сходен с таковым у птиц номинативного подвида. Грудь и передняя часть живота у восточных птиц сливочно-белая, тогда как у экземпляров из Европы она белая с обязательным лимонно-жёлтым налётом, наиболее заметным у птиц в свежем пере. Розовая окраска низа у дальневосточных экземпляров, как правило, темнее и занимает большее пространство, сильнее распространяясь на бока живота. Светлое поле на спине у восточных особей чисто-белое во все сезоны года, тогда как у

европейских дятлов в свежем пере оно всегда со слабым лимонным налётом. На сериях указанные отличия выглядят совершенно очевидными. Индивидуальная изменчивость, проявляющаяся в варьировании ширины тёмных наствольных пестрин на боках и ширине белых пятен на маховых перьях, выражена у восточных и западных птиц в одинаковой степени.

Таким образом, выделение восточного подвида белоспинного дятла совершенно оправдано при учёте постоянства проявления перечисленных признаков и значительного расстояния, отделяющего его от европейских популяций. С.А.Бутурлин в своей работе, посвящённой ревизии форм данной группировки, вышедшей в апреле 1907 года, выделил из восточных частей ареала две новые формы: *«Denclrocopus sinicus»* (Юутурлин 1907, с. 46) и *«D. leuconotus ussuriensis»* (Там же, с. 47). Первая форма была описана по единственному экземпляру взрослого самца, собранному Н.М.Пржевальским в окрестностях Пекина, на основе того, что у него «...белые кроющие перья уха совершенно окружены чёрным и таким образом вполне отделены от белых же шейных партий». Эта особенность окраски показалась автору столь серьёзным отличием, что новой форме было дано биноминальное название. Вторая форма, выделенная по сборам М.Янковского из Сидеми (бухта Нарва на юго-западе Приморского края), уже рассматривалась как подвид широко распространённого белоспинного дятла, отличающаяся от номинативной расы оттенками окраски зоба, груди и лба. Осмотрев упомянутые экземпляры в коллекции ЗИН РАН, мы пришли к заключению об их полной идентичности друг другу.

Подмеченное С.А.Бутурлиным отличие пекинского экземпляра оказалось связано исключительно с особенностями препаровки данной особи, т.е. шкурка на шее была усажена таким образом, что чёрная окраска продольной полосы по бокам горла и боков шеи сомкнулась с чёрными перьями зашейка. Помимо этого, данный экземпляр от приморских птиц совершенно ничем не отличается, однако приоритет названия в данном случае получает именно название *«sinicus»*, данное раньше имени *«ussuriensis»*. Белоспинные дятлы из Кореи, описанные А.Кларком (Clark 1907) под именем *«Dryobates leucotos coreensis»*, совершенно сходны с приморскими, и поскольку эта работа вышла в июне 1907 года, должны считаться младшим синонимом *D. m. sinicus* (Buturlin, 1907). Дятлы, описанные С.А.Бутурлиным (Buturlin 1908) из Аяна (Хабаровский край) под именем *«Dendrodromas leuconotus clarki»* представляют собой наиболее осветлённый вариант окраски расы *sinicus* и полностью укладываются в пределы индивидуальной изменчивости этой формы. К западу *D. l. sinicus* распространён до хребта Кентей и бассейнов рек Ингода и Онон, где интерградирует с расой *D. l. uralensis*.

Трёхпалый дятел *Picoides tridactylus* (Linnaeus, 1758)

Вопрос о подвидовой принадлежности трёхпалых дятлов, населяющих Приморье и Приамурье, заслуживает специального обсуждения. Представления о географической изменчивости североазиатских популяций *Picoides tridactylus* запутаны и противоречивы в значительно большей степени, чем каких-либо других видов палеарктических дятлов. Основная причина такого положения дел заключается в свойственной этому виду индивидуальной изменчивости окраски оперения, которую отмечают все без исключения исследователи этой группы (Бутурлин 1936; Михеев 1938; Портенко 1939; Волчанецкий 1940; Дементьев 1941; Vaurie 1951; Гладков 1951; Иванов 1953; и др.). Этот полиморфизм, представленный на огромном пространстве от восточных областей европейской части России до побережья Охотского моря, выражен в степени развития чёрного рисунка на нижней стороне тела и белой окраски на тёмных партиях оперения. В крайних вариантах проявления этой изменчивости у «тёмного» варианта окраски на боках груди хорошо выражены широкие чёрные продольные пестрины, бока живота, подхвостье и крайние рулевые с чёткими чёрными поперечными полосами, белая полоса на спине узкая; у особей «светлого» варианта бока груди лишь с узкими и редкими наствольными штрихами, бока живота в основном белые с едва уловимым размытым поперечным рисунком в задней части, на крайних рулевых ширина распространения белой окраски преобладает над чёрной, а на спине хорошо выражена широкая белая полоса. Встречается и бесконечное число переходов между описанными вариантами. Это обстоятельство делает возможным оценку географической изменчивости вида только с использованием обширных серий, позволяющих определять принадлежность популяций конкретных районов по склонности большинства особей к тому или иному варианту окраски. Кроме того, адекватная оценка окрасочных признаков при обработке коллекционных материалов дополнительно осложняется степенью обношенности оперения, делающей несравнимыми серии птиц, собранных в гнездовой период, с особями в свежем пере.

Не вдаваясь в перечисление вариантов трактовок географической изменчивости в пределах сплошного континуума популяций данного вида, простирающегося от Скандинавии до Камчатки, отметим, что статус самостоятельных подвидов безоговорочно получили лишь более или менее изолированные периферийные группировки. Это темноокрашенные горные расы: *P. t. alpinus* C.L.Brehm, 1831 из Европы; тянь-шаньская *P. t. tianschanicus* Buturlin, 1907; *P. t. funebris* J.Verreaux, 1870, изолированная в центральном и южном Китае; островная раса *P. t. inouyei* Yamashina, 1943 с Хоккайдо и светлоокрашенный

подвид *P. t. albidior* Stejneger, 1885 с Камчатки. На прочем пространстве ареала удаётся выделить лишь три менее резко выраженных подвида (Коблик и др. 2006), связанных друг с другом зонами интерградации. В Скандинавии и на европейском северо-западе России представлены особи, у которых доминируют признаки тёмного варианта окраски, выраженные, однако, не столь резко, как у горных подвидов; в восточной части европейской России наряду с таковыми попадаются особи, тяготеющие к светлому морфотипу. Ещё восточнее, в Западной Сибири, птицы светлого варианта окраски начинают численно доминировать над тёмной морфой, при этом окраска «тёмных» экземпляров становится в среднем светлее, чем у аналогичных европейских. Далее на всём пространстве Сибири до Охотского побережья, а также в северной Монголии, размах индивидуальной изменчивости остаётся более или менее постоянен. Исключение в этом ряду представляют собой горные популяции Русского и Монгольского Алтая, представленные почти исключительно особями тёмного типа окраски, которые при этом несколько светлее соседних птиц из Тянь-Шаня. Таким образом, здесь представляется оправданным выделение трёх рас: *P. t. tridactylus* (Linnaeus, 1758) в европейской части, *P. t. altaicus* Buturlin, 1907 на Алтае и, частично, в сопредельных районах Саян и Танну-Ола, а также *P. t. crissoleucus* (Reichenbach, 1854) на всей остальной территории. При этом распространённое мнение (Степанян 2003; Dikinson 2003; и др.) о том, что по всему югу Сибири до Дальнего Востока простирается область, занятая номинативным подвидом, совершенно не соответствует действительности, поскольку ни в равнинных районах Западной Сибири, ни в Забайкалье и восточной Монголии популяций, представленных однотипно окрашенными тёмными птицами, или районов, в которых последние численно бы преобладали над светлыми, не существует.

Применительно к птицам Приморья и Приамурья неоднократно отмечалось наличие здесь особей двух типов окраски (Бутурлин 1917, 1936; Бабенко 2000). Для Нижнего Приамурья В.Г.Бабенко отмечает интерградацию подвидов *crissoleucus* и *tridactylus*, отмечая при этом, что в долине Амура птицы с признаками номинативного подвида преобладают. С.А.Бутурлин (1917) различает в материковой части также две расы – светлую и тёмную. Светлых птиц из района устья Амура и побережья Татарского пролива этот автор отождествляет с описанной им расой *P. t. sakhalinensis* Buturlin, 1907, а тёмных, происходящих из Южного Приморья, называет *P. t. tridactylus*, подчёркивая их абсолютное сходство именно с европейскими птицами.

Имевшийся в нашем распоряжении коллекционный материал с юга материковой части Дальнего Востока был представлен только сборами из северной части Приморья, а также птицами из различных районов Среднего и Нижнего Приамурья. Здесь число птиц с преобла-

данием признаков тёмного варианта окраски составило примерно 35%, что больше, чем в сопредельных районах Сибири. При этом наиболее тёмные особи обладают очень сильно развитым чёрным рисунком на нижней стороне тела, распространённым даже больше, чем у европейских *tridactylus*. Такие дятлы отчасти приближаются по окраске к расе *P. t. tianschanicus*, отличаясь от них лишь более узкими чёрными поперечными пестринами на подхвостье и крайних рулевых, а также несколько меньшими размерами. Важно отметить, что в Забайкалье, Восточной Монголии и Якутии столь тёмных экземпляров совершенно не встречается, отсутствуют они и на Сахалине, что указывает на уникальность особей такой окраски именно для юга материковой части Дальнего Востока. Особи с преобладанием светлого варианта окраски, составившие около 65%, сходны с типичными сибирскими *crissoleucus*. Относительно возможности отожествления таких птиц с особями популяций Сахалина, не касаясь здесь вопроса о возможности выделения их в особый подвид, заметим, что подавляющее большинство экземпляров с материка несколько крупнее сахалинских.

Таким образом, можно предположить, что в области Приамурья и Приморского края располагается зона вторичной интерградации подвида *crissoleucus* и какой-то соседней темноокрашенной формы, распространённой южнее обсуждаемого региона. Именно такой формой представляется реликтовая горно-лесная раса *P. t. kurodai* Yamashina, 1930, описанная из Ноджидо в северной части Кореи (Dikinson 2003). Последняя, вероятно, сформировалась в области плоскогорья Чанбайшань и на сопредельных хребтах северо-восточного Китая и лишь позднее пришла в соприкосновение с расселявшейся с севера сибирской расой. В связи с этим большой интерес представляет фенотипический состав птиц, обитающих в области хребта Пограничный на юге Приморья, где следует ожидать находок однотипных тёмноокрашенных птиц, принадлежащих уже к чистым популяциям подвида *kurodai*, однако материалов, позволяющих это проверить, в коллекциях пока нет.

Мы выражаем глубокую признательность за предоставленную возможность работы с коллекционными материалами своих учреждений В.М.Лоскоту (отделение орнитологии Зоологического института РАН), В.А.Нечаеву (Биолого-почвенный институт ДВО РАН), О.А.Бурковскому и М.Г.Казыхановой (Зоологический музей ДВФУ), А.М. Пекло и А.В.Клочко (Зоологический музей ННПМ НАН Украины), а также чрезвычайно благодарны С.В.Елсукову и В.Н.Сотникову, предоставившим в наше распоряжение материалы собственных сборов. Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 14-50-00029 «Научные основы создания национального банка-депозитария живых систем».

Литература

Бабенко В.Г. 2000. *Птицы Нижнего Приамурья*. М.: 1-725.

Бутурлин С.А. 1907. Заметки о группах белоспинных дятлов и каменных поползней // *Изв. Кавказ. музея* **3**, 1: 45-73.

Бутурлин С.А. 1910. Птицы Приморской области // *Наша охота* **7**: 49-64.

Бутурлин С.А. 1917. Птицы Дальнего Востока // *Орнитол. вестн.* 1: 3-19.

Бутурлин С.А. 1936. Отряд Дятловые птицы Picariae или Coraciiformes // *Птицы СССР. Полный определитель птиц СССР*. М.; Л, **3**: 130-220.

Волчанецкий И.Б. 1940. Дятлы рода Picoides, распространение и превращения наряда // *Праці наук. досл. зоол.-биол. ін-ту Харьк. ун-ту* **8/9**: 169-195.

Воробьёв К.А. 1954. *Птицы Уссурийского края*. М.: 1-360.

Гладков Н.А. 1951. Отряд дятлы Picariae или Piciformes // *Птицы Советского Союза*. М., **1**: 547-617.

Дементьев Г.П. 1941. Дополнения к томам первому, второму, третьему и четвёртому «Полного определителя птиц СССР» // *Полный определитель птиц СССР*. М.; Л., **5**: 12-95.

Иванов А.И. 1953. Отряд Piciformes – дятлообразные // *Птицы СССР*. Ч. 2. М.; Л.: 306-327.

Коблик Е.А., Редькин Я.А., Архипов В.Ю. 2006. *Список птиц Российской Федерации*. М.: 1-281.

Михеев А.В. 1938. К географической изменчивости трёхпалого дятла *Picoides tridactylus* L. // *Бюл. МОИП*. Нов. сер. Отд. биол. **47**, 2: 167-173.

Назаренко А.А. 1971. Краткий обзор птиц заповедника «Кедровая падь» // *Орнитологические исследования на юге Дальнего Востока*. Владивосток: 12-51.

Панов Е.Н. 1973. *Птицы Южного Приморья (фауна, биология и поведение)*. Новосибирск: 1-376.

Портенко Л.А. 1939. Фауна Анадырского края. Птицы. Ч. 1 // *Тр. Науч.-исслед. ин-та полярного земледелия, животноводства и промысл, хоз-ва. Сер. промысл, хоз-во* **5**: 5-211.

Степанян Л.С. 2003. *Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий(в границах СССР как исторической области)*. М.: 1-808.

Ченг Ц.-С. 1976. *Каталог птиц КНР и их распространение*. Пекин: 1-1218 (кит.).

Buturlin S.A. 1907. Palaearktische Formen von *Picoides* Lacep. // *Ornithol. Monatsber*. **15**, 1: 9-11.

Buturlin S.A. 1908. Notes on Woodpeckers (Fam. Picidae) in the Zoological Museum of the Imperial Academy of Sciences in St.-Petersburg // *Ежегодник Зоол. музея Акад. наук* **13**, 3: 229-254.

Clark A.H. 1907. Eighteen new species and one new genus of birds from Eastern Asia and the Aleutian Islands // *Proc. U. S. National Museum* **32**: 467-175.

Dickinson E.C. (ed.) 2003. *The Howard and Moore complete checklist of the birds of the World*. London: 1-1039.

Vaurie Ch. 1951. Systematic notes on Palearctic birds. No. 36. Picidae: genera *Dendrocopos* (Part. 2) and *Picoides* // *Amer. Mus. Novitates*: 9-24.

ZinkR.M., Drovetski S.V., Rohwer S. 2002. Phylogeographic patterns in the great spotted woodpecker *Dendrocopos major* across Eurasia // *J. Avian Biol*. **33**: 175-178.

ISSN 0869-4362
Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск ***1332****: 3273-3275*

Материалы по питанию наземных птиц Полярного Урала

Н.Н.Данилов

*Второе издание. Первая публикация в 1959**

Для выяснения особенностей существования птиц в суровых условиях Полярного Урала и приспособления к ним требуется внимательное рассмотрение различных сторон их биологии.

В двух районах (хребты Обе и Западные Саледы – 65°32' с.ш. и район реки Соби – 67° с.ш.) 29 июля-24 августа 1958 был собран материал по питанию 35 видов наземных птиц, состоящий из 271 желудка и остатков корма, который мы считаем нужным привести из-за отсутствия подобных сведений в литературе.

Сапсан *Falco peregrinus* и дербник *Falco columbarius* питались только птицами. В 3 желудках и 77 остатках корма мохноногого канюка *Buteo lagopus* были 76 грызунов (33 красных *Clethrionomys rutilus* и красно-серых *Clethrionomys rufocanus* полёвки, 21 пашенная *Microtus agrestis*, 18 узкочерепных *Microtus gregalis*, 3 серых полёвки, не определённых до вида, 1 северная пищуха *Ochotona hyperborea)* и 10 птиц (7 луговых коньков *Anthus pratensis*, 1 белобровик *Turdus iliacus* и 2 не определены).

В желудках двух ястребиных сов *Surnia ulula* были только грызуны.

В желудках и зобах тундровых куропаток *Lagopus mutus* преобладали листья и побеги куропаточьей травы, чины и копеечника тёмного, колоски осоки, ягоды толокнянки, шикши. ягоды голубики, найден один моллюск.

В желудке большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* содержались муравьиные «яйца», гусеницы, личинки усачей. В 4 из 6 желудков трёхпалых дятлов *Picoides tridactylus* были 111 личинок усачей, в 3 – короеды и в единичных случаях личинки короедов, 1 мясная муха и измельчённые остатки жуков.

Питание вороновых было очень разнообразно. В желудках 2 серых ворон *Corvus cornix* обнаружены саранчовые, муравьи, коконы бабочек, гусеницы, измельчённые неопределимые остатки насекомых, ягоды морошки, зёрна и пищевые остатки. В желудке кедровки *Nucifraga caryocatactes* нашли красную полёвку, муравьиные «яйца», 2 перепончатокрылых, 5 гусениц, 6 коконов бабочек, 9 личинок жуков, 1 мертво-

* Данилов Н.Н. 1959. Материалы по питанию наземных птиц Полярного Урала // *Материалы по фауне Приобского Севера и её использованию*. Тюмень: 387-389.

еда, ягоды морошки и кедровые орехи. В 5 желудках кукш *Perisoreus infaustus* были 14 гусениц, 13 коконов бабочек, 12 личинок шмелей, 2 взрослых шмеля, 1 перепончатокрылое, 2 мухи, 1 личинка жука, 3 листогрыза, 7 личинок не определённых насекомых, измельчённые остатки жуков, 1 моллюск, 1 живородящая ящерица *Lacerta vivipara*, ягоды морошки и костяники. Гусеницы были в 3 желудках, коконы бабочек и шмели в 2, остальные – по 1.

Во всех желудках 3 снегирей *Pyrrhula pyrrhula* и 11 обыкновенных чечёток *Acanthis flammea* содержались семена травянистых, преимущественно зонтичных, растений и только у одной чечётки обнаружена 1 гусеница и измельчённые остатки насекомых. В 8 из 10 желудков щуров *Pinicola enucleator* имелись семена растений, в 3 – побеги ели, в 2 – ягоды морошки и гусеницы, в единичных – почки растений, семена ели, перепончатокрылые, яйца насекомых, личинки жуков и жуки.

В 6 из 16 желудков юрков *Fringilla montifringilla* были семена растений, в 6 найдено 17 гусениц, в 3 – листогрызы, в 2 – перепончатокрылые и пауки, по 1 разу комары, мухи, слюнявицы, слоники, личинки жуков, ягоды черники и шикши. В 15 из 20 желудков овсянок-крошек *Emberiza pusilla* содержались измельчённые остатки насекомых, в 5 – гусеницы, в 4 – листогрызы, в 2 – мухи, личинки жуков и ягоды черники, по 1 разу обнаружены комары, личинки не определённых насекомых и семена растений.

Белая *Motacilla alba*, горная *M. cinerea* и желтоголовая *M. citreola* трясогузки держались в одинаковых местах и питание их было сходно. В желудках были найдены мухи, комары, перепончатокрылые, остатки жуков и з 1 желудке белой трясогузки – личинки ручейников.

В желудках пятнистых коньков *Anthus hodgsoni* были измельчённые остатки насекомых. В 4 из 5 желудков краснозобых коньков *Anthus cervinus* были измельчённые остатки насекомых, в 2 – гусеницы, листогрызы, мухи, по 1 разу найдены личинки жуков и слоник. В 7 из 19 желудков лугового конька *Anthus pratensis* содержались листогрызы, в 5 – гусеницы (14 экз.), в 3 – слоники, в 2 – мухи, личинки насекомых, в 1 – усач, моллюск, в 15 – измельчённые остатки насекомых.

Питание пухляка *Parus montanus* и сибирской гаички *Parus cinctus* не различалось. Во всех 4 желудках были 19 гусениц, по 1 разу найдены 3 клопа, 1 муха и измельчённые остатки насекомых.

В желудках 3 камышевок-барсучков *Acrocephalus schoenobaenus* обнаружены 4 гусеницы, 3 слоника, листогрызы, 1 перепончатокрылое и измельчённые остатки насекомых.

В 9 из 16 желудков пеночек-таловок *Phylloscopus borealis* были листогрызы, в 5 – гусеницы (14 экз.), в 4 – мухи, в 1 – комары. В желудках 7 пеночек-весничек *Phylloscopus trochilus* содержались листогрызы (в 3), мухи и комары (в 3), измельчённые остатки насекомых.

В желудке рябинника *Turdus pilaris* были 2 саранчи, 3 гусеницы, 4 личинки мух, 1 слоник, в желудках 5 белобровиков *Turdus iliacus* – 7 гусениц, 8 слоников, 2 листогрыза, саранча, 1 паук, личинка не определённого насекомого, измельчённые насекомые и ягоды черники. В желудках 2 певчих дроздов *Turdus philomelos* – 7 листогрызов, личинки листогрызов, 5 гусениц, 1 жужелица, 1 моллюск и измельчённые остатки насекомых. В 11 из 16 желудков темнозобых дроздов *Turdus atrogularis* были обнаружены 214 гусениц, в 7 – листогрызы (9), в 4 – слоники (5), в 2 – усачи (5), личинки листогрызов, муравьи, перепончатокрылые, по разу – личинки насекомых, мухи, комары, личинки мух, шмель, жужелица, дождевой червь, в 3 желудках – ягоды черники и шикши.

В желудках 3 каменок *Oenanthe oenanthe* были 13 гусениц, 2 паука, 1 усач, 3 комара, 1 не определённый жук и измельчённые остатки насекомых. В желудках 3 черноголовых чеканов *Saxicola torquata* найдены 4 листогрыза, 2 усача и измельчённые насекомые. В желудках 2 горихвосток *Phoenicurus phoenicurus* обнаружены 1 гусеница, 1 щелкун и измельчённые остатки насекомых.

В 6 из 11 желудков варакушек *Luscinia svecica* были найдены гусеницы (13), листогрызы, в 2 – слоники (8), перепончатокрылые (2), в 1 – муравьи (12), личинки листогрызов (2), комары, 1 моллюск и в 6 – измельчённые остатки насекомых.

На основании приведённых данных видно, что на Полярном Урале представлены различные по типам питания птицы и многочисленные насекомоядные виды. Питание отдельных видов птиц не отличается наклонностью ни к стенофагии, ни к эврифагии и сходно с питанием в более южных районах. Встречаемость отдельных видов корма, в частности разных групп насекомых, обусловлена в значительной мере их обилием.